

Размышления о книге

УДК 655.552 + 573

DOI 10.62139/2949-608x-2026-4-2-170-177

«Новое учение о виде» Трофима Лысенко: реконструкция и критика

Любарский Георгий Юрьевич

Научно-исследовательский Зоологический музей Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Данная публикация является рецензией на книгу М.В. Винарского ««Новое учение о виде» Трофима Лысенко: тексты и контексты» (2024). В книге рассмотрено учение Т.Д. Лысенко о виде, рассмотрена новизна предложенных концепций. Не касаясь политической подоплеки лысенковщины, изучена история представлений о виде в рамках «новой биологии» и влияние этих взглядов на современное учение о виде. Реконструированы основные тезисы учения Лысенко. Изложена история критики идей Лысенко в 1950–60-е гг.

Ключевые слова: новое учение о виде, проблема вида, Лысенко, лысенкоизм, критика

Цитирование: Любарский Г.Ю. «Новое учение о виде» Трофима Лысенко: реконструкция и критика // Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. 2026. Т. 4, вып. 2. С. 170–177.

Trofim Lysenko's "New doctrine of Species": Reconstruction and Critique

Georgiy Yu. Lyubarsky

Scientific Research Zoological Museum of M.V. Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russia

This is a review of M.V. Vinarsky's book "Trofim Lysenko's 'New Doctrine of Species': texts and contexts" (2024). The book examines T.D. Lysenko's doctrine of species and considers the novelty of the proposed concepts. Without delving into the political underpinnings of Lysenkoism, it looks into the history of the concepts of species within the framework of "new biology" and the influence of these views on the modern theory of species. The main points of Lysenko's doctrine are reconstructed. The history of criticism of Lysenko's ideas in the 1950s and 1960s is described.

Keywords: new doctrine of species, problem of species, Lysenko, Lysenkoism, criticism

В книге¹ рассмотрены истоки учения Лысенко о виде и теоретическое содержание этого учения. Тема долгоживущая, что, собственно, в ней и удивляет. Сам «эпизод» был довольно коротким: интенсивно учение Лысенко насаждалось в 1948–1952 гг., потом пошло на спад, появились яростные критики, а в 60-е лысенкоизм и вообще увял... Хотя лысенковцев было множество, и еще в 70–80-х можно было узнать, что некто – «лысенковец». Люди ведь долговечнее политических кампаний и научных мод: официальная поддержка лысенкоизма прекратилась, а профессоров с такими взглядами было много.

Критика лысенкоизма в 1950–60-х гг. была яростной, эмоциональной, апеллировала все к тому же диалектическому марксизму-ленинизму. Всерьез ее читать трудно. А потом общая позиция стала такой: «давно всем известно», что Лысенко неправ. Сообщество ученых было настроено против лысенкоизма: он злоупотреблял властью, было много им и его присными обиженных, и он рухнул – теперь можно открыто сказать, как он неправ. В 70–80-е гг. для многих биологов в возрасте Лысенко был «только что», едва от него отбились... А вместо него пришел советский дарвинизм.

В СССР дарвинизм был теорией, от которой не принято было уклоняться. При этом трудно представить, насколько схоластичным было это учение. Марксизм в Союзе стал схоластикой, и эта схоластика распространилась на дарвинизм. Стандартные словесные формулы следовало использовать в определенном сочетании, иначе ересь.

За застывшими формулировками почти не угадывалась мысль; отчетливых данных и строгих определений не было – люди ловили «запах» высказываний, кому-то пахло ламаркизмом, кому-то – идеализмом, и вот готов обвинительный приговор.

Винарский М.В. «Новое учение о виде»
Трофима Лысенко: тексты и контексты.
2024 г.

¹ Винарский М.В. «Новое учение о виде» Трофима Лысенко: тексты и контексты. СПб.: Реноме, 2024. 304 с.

Где-то в 80-м г. я делал доклад на конференции по чему-то дарвинистическому. Рассказывал о стабилизирующем отборе Шмальгаузена. Шмальгаузен был от Лысенко пострадавший, считался мейнстримом дарвинизма (ну, почти...) и запрещенным никак не был, напротив, его учебники были очень авторитетны. Но теория стабилизирующего отбора, разумеется, предполагает длительные фазы эволюционного стазиса, а потом резкие революционные перестройки, из-за чего образуются новые виды. Скачок...

Лысенко, в частности, был сторонником скачкообразной эволюции. Правоверный советский дарвинизм считал возможным только медленное, «миллионами лет» очень постепенное изменение. Скачки были запрещены. Это чушь, конечно. Сальтационных теорий в биологии полно, как внутри дарвинизма, так и вне его. Сама эта деталь ничего особенного не означает, и вообще дело было в последовательной развертке мыслей Шмальгаузена, а не в кодексе правил, приписываемых эволюции. Однако после доклада я случайно услышал в коридоре разговор двух почтенных профессоров. Один возмущался: «Да как можно! Это ж лысенковщина! Ты слышал? Он говорит: “Скачки!” Это Лысенко! Надо остановить! А он вообще читал?..» В ответ другой профессор, со мной знакомый, увещевал собеседника: «Читал он, читал, то и это тоже. Да вот, понимаешь, так он понимает Шмальгаузена...».

Надо было очень аккуратно употреблять словесные формулировки, не обращая внимания на суть дела, потому что именно использование словесных формул вызывало согласие или несогласие. Используя неподобряемые формулы записывали во «враги» истинной биологии. Кампания по критике лысенкоизма шла в духе времени, была такой же эмоциональной, с перебранками, личными выпадами, такими же, как чуть раньше устраивали своим врагам лысенковцы (но без такой же поддержки административным ресурсом). Так постепенно все успокоилось, было достигнуто согласие: лысенкоизм мертв, все давно все поняли, потянулись долгие времена советского дарвинизма...

А потом пришли новые времена, девяностые годы. Это появление молекулярной генетики. До того была классическая менделевская генетика, потом – в послевоенные времена – популяционная генетика, а еще потом появилась третья наука, молекулярная генетика. Для мировой англоязычной науки все эти дразги на русском языке в ранние пятидесятые были не слишком интересны и малопонятны. А в новой эволюционной теории, имеющей основу в молекулярной генетике, происходили чудеса. Прежде разговор зашел о скачках... Можно указать всего на один пример: показан горизонтальный перенос генов у эукариот. Если уж примеры такого переноса не скачки, то вообще непонятно, что следовало бы именовать скачками.

Биология стремительно математизировалась и встраивалась в общий тренд естествознания, отдающий целостность за точность. Прежняя схоластика дарвинистских причитаний ушла в прошлое. В моде математические модели. Ограничений на теоретизирование практически нет: хочешь

ламаркизм – пожалуйста, желаешь работать с моделью наследования приобретенных признаков – проверяй. Философских надсмотрщиков нет, идеологической цензуры нет.

На этом фоне у отдельных граждан возникли мысли: в свете разнообразных чудес, принесенных новой биологией, может, прав был наш Лысенко? Аж вон тогда? Может быть, он предвосхитил развитие биологии, а мы не поняли? Может быть, кампания по его очернению была ошибкой?

Книги в защиту Лысенко стали выпускать профессиональные биологи. Особенно известными стали работы Л.А. Животовского (1) и А.И. Шаталкина (2; 3). В социальных сетях активно выступили сторонники лысенкоизма – биологи (например, И.А. Рухленко (4), выступавший под никнеймом `imregor_id` на сайте Livejournal.com, и многие другие). Это профессиональные биологи, так что наивно думать, будто они чего-то не знают, не в курсе развития современной биологии или не поняли работ Лысенко. Напротив, в их работах подробно разбираются статьи Лысенко, воспроизводятся аргументы, его теоретические выкладки сравниваются с современными биологическими теориями... И возникает изумление: никогда такого не было, и вот опять... Что случилось? Может, в самом деле что-то замели под ковер, а на самом деле Лысенко предвосхитил будущие открытия?

Можно услышать: «Давайте оставим в стороне политическую подоплеку произошедшего. Не будем говорить об отправленных в лагеря, потерявших работу, высланных на окраины страны, не будем вспоминать доносы и оскорбления. Надо остановиться на чисто научном аспекте: так все-таки что же сказал Лысенко и как это соотносится с современными взглядами?» И распространяются такие сомнения очень широко. Мол, может, тогда, в 60-е, просто в политической борьбе «генетики» замочили «мичуринцев», а мы, дураки, верим? Тут вспоминают девяностые, наше мифологическое время, когда то ли все стало ясно, то ли все скрыли. Мифология девяностых очень мощная, и для многих людей звучит вполне правдоподобно, что «либералы»-генетики расправились с лысенковцами, которые допустили много перегибов, но были не так и неправы.

И что же делать? Рецензируемая книга и есть то дело, которое может помочь в этой ситуации. В книге нет ничего о «политике» (насколько это возможно), в ней говорится о науке. Не рассматриваются вопросы доносов, посадок и т.п. Речь только и исключительно о научной составляющей лысенкоизма.

Автор взялся разгребать накопившиеся завалы. В 2011 г. была хорошая работа Куприянова о лысенкоизме (5), но значительно менее подробная. Книга М.В. Винарского закрывает многие недоговоренности. Автор тщательно изучил огромную гору литературы о «проблеме вида» за 1940–80-е гг. И интересные исследования, и дарвинистическая схоластика изучены, разобраны и хорошим языком представлены читателю. Легко читать непрофессионалу все равно не будет, но источники еще труднее для восприятия. Автор действительно сделал все, чтобы этот необозримый материал представить читателю, структурировать. В книге, напри-

мер, сделаны таблицы, в которые сведены тезисы Лысенко и его единомышленников, так что теории Лысенко хотя бы можно обозреть и понять. Автор даже винится: кажется, он сделал эти теории слишком отчетливыми и системными, у самого Лысенко все более туманно и противоречиво. Но так читатель может понять, что же в самом деле было сказано и что защищал лысенкоизм.

Сложность в том, что у Лысенко не было отчетливо сформулированной теории; на призывы изложить свои взгляды не в речах и нравоучительных беседах, он посылал читать журнал «Агробиология», где «все изложено». Увы, научных статей на эти темы у него не так много, в имеющихся работах много противоречий. В результате лысенкоизм – не строгая концепция, а – во многом – собрание метафор, лозунгов. Какой смысл им придать? Теперь, почти через век, когда наука полностью поменяла облик... Эмоциональные высказывания Лысенко о целостности, диалектических скачках развития и наследовании признаков «прямо из среды» можно интерпретировать в переводе на современный биологический материал так, как это хочется интерпретатору. Если надо натянуть тезис, что Лысенко говорил именно о том, о чем сейчас рассказывает «очередная новая» эволюционная теория, отчего не истрактовать? Скажем, очень известна концепция прерывистого равновесия, возникшая в 70-х гг. Отчего не полагать, что Лысенко имел в виду что-то такое? При должной свободе мысли вполне можно полагать.

Итак, не было стройной, обширной и новаторской теории, о потере которой можно сожалеть. Был набор не очень связанных тезисов, часто менявшихся на противоположные. По заветам Любищева Винарский реконструирует отдельные стороны теории Лысенко. Сводит в таблицы часто повторявшиеся высказывания, выделяет идейный костяк теории. То есть недостаточно «просто изложить» сказанное Лысенко, надо самому реконструировать основные тезисы теории, толком нигде не изложенной.

Специальный предмет рассмотрения М.В. Винарского – не все взгляды Лысенко, а в основном то, что касалось проблемы вида, т.е. исследуется новое учение о виде, выдвинутое лысенковцами, а не вообще все проблемы, которых касался лысенкоизм. Ничего не говорится о яровизации, агротехнике картофеля и проса, посадке картошки верхушками клубней, гнездовых посадках, но внимательно рассмотрен вопрос перерождения видов друг в друга.

В книге разобрана сама теория Лысенко; концепции его сторонников в разных областях биологии: в ихтиологии, микробиологии и т.п. Есть специальные рассмотрения взглядов некоторых крупных зоологов и ботаников. Скажем, довольно подробно говорится о Г.В. Никольском, Е.С. Смирнове, А.П. Кузякине и др. В результате получается довольно детальная картина становления лысенкоизма (1948–1962) и последующая сложная история развития и критики его идей. Было много компромиссов – люди ломались, вынуждены были переходить к славословиям и признанию идей Лысенко. Автор отделяет ритуальное цитирование и формальное

покаяние от действительного развития идей Лысенко, когда авторы на своем материале находили нечто, что им потом удобно было связывать с лысенкоизмом. Например, А.П. Кузякин о своих скачках между видами начал говорить еще в 30-е гг., до доминирования Лысенко в биологии. Е.С. Смирнов развивал механоламаркизм с 20-х гг., в 30-е был вынужден замолчать (вынудили его «дарвинисты»), а после 1948 г. снова стал излагать свои старые идеи.

В первых главах подробно рассмотрено лысенковское учение о виде, затем две главы посвящены разбору реакций на это учение. Показана очень сложная картина, множество позиций, совсем не сводящиеся к парадной картине «всеобщего принятия» или «всеобщего отвержения» этого учения. Одни авторы нашли сходство своих взглядов с учением Лысенко и постарались воспользоваться научной модой для беспрепятственного изложения дорогих им взглядов. Другие примкнули к «волне», одобренной начальством, и с удовольствием топили инакомыслящих. Одни формально соглашались, не меняя своего направления исследований, другие истово поверили и стали горячими сторонниками. Так же неоднородны критики: соглашались частично, возвращались к прежним взглядам, вновь примыкали к господствующему направлению, держались нейтрально, старались уклониться от обсуждения...

Можно сказать, что практически каждый биолог в СССР, тем более каждый крупный биолог в те годы так или иначе взаимодействовал с лысенкоизмом (генеральная линия партии, что тут скажешь). И так или иначе реагировал: изменял фразеологию своих идей, становился на сторону Лысенко, критиковал, модифицировал, «соглашался с некоторыми дополнениями»... Иногда да, был подчеркнуто нейтрален, таких тоже было много (например, В.А. Догель никак не реагировал на появление Лысенко). «Не реагирующих» было мало, и потом многие вынуждены были реагировать: скажем, И.И. Шмальгаузен старался выступать нейтрально, а потом, после сессии ВАСХНИЛ... В общем, множественные следы того или иного отношения к Лысенко и его идеям можно отследить у самых разных биологов, и автор рассмотрел только самых значительных и интересных.

Последние главы посвящены рецепции учения о виде в ненаучных концептах (философия, литература, педагогика и т.п.), завершающая глава содержит результат исследования: что было нового и верного в учении Лысенко о виде.

Чего в книге нет? Нет разбора идейной эволюции ученых – сторонников Лысенко (как и его противников). Не говорится, отчего Е.С. Смирнов стал механоламаркистом, как это связано с другими его взглядами (на систематику, на морфологию). М.В. Винарский фиксирует идейную направленность того или иного автора, что им сказано по теме (проблеме вида), его место в раскладе мнений. Никаких исследований развития идей у того или иного автора нет.

Далее, основное внимание в книге уделено теоретической составляющей. Огромная тема экспериментальной проверки – подделанные резуль-

таты опытов, опыты, которых вообще не было, хотя о них было рассказано, реальные опыты и их различные трактовки – все это практически не изложено. Рассказ в книге почти только о теоретической компоненте, и этого уже много, отследить все нюансы очень трудно.

Помимо этого, мне в книге не хватало анализа современных попыток реабилитации лысенкоизма, т.е. рассмотрения книг Животовского (1) и Шаталкина (2; 3). Я понимаю, что историк стеснен современностью – говорить даже о шестидесятих годах трудно, многие все же живы... А уж о современных авторах говорить совсем трудно. Трудность понимаю, но речь о том, чего бы мне хотелось: в завершение анализа лысенкоизма я бы хотел дополнительную главу, где были бы рассмотрены аргументы современных авторов, публикующихся вот сейчас, в 2020-е гг. Дело совершенно не в обвинениях этих авторов; хотелось бы видеть опубликованным разбор, есть ли в их аргументации здоровое зерно или их позиция обусловлена в большей степени общей мировоззренческой направленностью. Краткую оценку взглядов этих ученых высказал Э.И. Колчинский (6), но развернутой критики не было.

Каков же общий вывод? Теории Лысенко малооригинальны и в значительной степени ошибочны. В большинстве аспектов взгляды, приписываемые Лысенко, имеют очень давнюю историю, ничего особенно новаторского у него не было. Разумеется, в книге это разобрано детальнее: что именно не оригинально, что именно ошибочно.

Надо отметить еще одну сторону дела, без которой понять все изложение невозможно. Специальная тема изложения – учение о виде, проблема вида. И проблема в том, что она не решена. В современной науке за последние четверть века появилось более десятка капитальных монографий о проблеме вида. Представлены очень разные точки зрения. Дискуссия продолжается прямо сейчас, и конца ей не видно.

Тем самым невозможно ставить вопрос, что, мол, есть научное решение некой проблемы и есть ошибочное решение, предложенное Лысенко. Ситуация иная: есть научная проблема, очень давняя, очень трудная, связанная с массой других проблем: как мы должны представлять и изучать филогенез, как на деле выглядят межвидовые экологические взаимодействия, как нам решать таксономические проблемы, учитывая динамику вида, каков критерий вида, что мы вообще согласны называть видом, есть ли общее понятие о виде или надо разрабатывать отдельные понятия о виде для разных групп организмов, как соотносится проблема вида с переходом исследований на молекулярный уровень, сопоставление «классических» представлений о виде и «молекулярных» – там все очень непросто и противоречий много. С этой научной проблемой не удастся справиться, самые современные методы не позволяют прийти к согласию разным лагерям ученых, имеется множество взглядов, резко друг другу противостоящих.

Так что сравниваются в книге не готовые ответы, а именно подходы к решению. Выясняется, что приписываемые Лысенко взгляды в большин-

стве были очень не новы уже к середине XX в., это были давно известные взгляды. Новых методов проверки, новых отношений между теориями предложено не было, просто эти давние взгляды с большим напором представлялись как единственно верное учение.

Вот последний абзац книги: «Если же говорить о том, как соотносятся положения НУВ (новое учение о виде. – Г.Л.) с современными представлениями о виде и видообразовании, то ответ будет весьма короток. Никакого влияния этой теории на мышление и исследовательские подходы практикующих систематиков и эволюционистов в наши дни не обнаружено. Большинство нынешних биологов едва ли определенно представляют себе теоретическое содержание лысенкоизма, а «новое учение о виде» если и известно им, то лишь в форме анекдотов о «порождении» кукушки пеночкой и пшеницы – рожью. На мой взгляд это вполне заслуженное забвение» (с. 257).

Литература

1. Животовский Л.А. Неизвестный Лысенко. М.: КМК, 2014. 120 с.
2. Шаталкин А.И. Реляционные концепции наследственности и борьба вокруг них в XX столетии. М.: КМК, 2015. 433 с.
3. Шаталкин А.И. Политические мифы о советских биологах: О.Б. Лепешинская, Г.М. Бошнян, конформисты, ламаркисты и другие. М.: КМК, 2016. 472 с.
4. Рухленко И.А. Что ответить дарвинисту? Ч. 1. Монреаль: Accent Graphics Communications, 2015. 302 с.
5. Kouprianov A.V. The Soviet Creative Darwinism (1930s–1950s): From the Selective Reading of Darwin's Works to the Transmutation of Species // Историко-биологические исследования. 2011. Т. 3, № 2. С. 8–31.
6. Колчинский Э.И. Н.И. Вавилов и Т.Д. Лысенко в пространстве историко-научных дискуссий // Природа. 2018. № 1. С. 3–14.

References

1. Zhivotovsky L.A. *The unknown Lysenko*. Moscow: KMK; 2014. 120 p. (In Russ.)
2. Shatalkin A.I. *The relational concepts of heredity and the struggle around them in the 20th century*. Moscow: KMK; 2015. 433 p. (In Russ.)
3. Shatalkin A.I. *Political myths about the Soviet biologists O.B. Lepeshinskaia, G.M. Bashian, conformists, Lamarckism and other*. Moscow: KMK; 2016. 472 p. (In Russ.)
4. Rukhlenko I.A. *What can you reply to a Darwinist? Part 1*. Montreal: Accent Graphics Communications; 2015. 302 p. (In Russ.)
5. Kouprianov A.V. The Soviet Creative Darwinism (1930s–1950s): From the Selective Reading of Darwin's Works to the Transmutation of Species. *Studies in the History of Biology*. 2011; 3(2): 8–31.
6. Kolchinsky E.I. Nikolai I. Vavilov and Trofim D. Lysenko in the Realm of Historical and Scientific Discussions. *Priroda*. 2018; (1): 3–14. (In Russ.)

Сведения об авторе

Любарский Георгий Юрьевич, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского Зоологического музея МГУ, Москва, ул. Большая Никитская, д. 2.

E-mail: lgeorgiy@rambler.ru. ORCID 0000-0003-4789-8607

Дата поступления статьи: 21.11.2025

Одобрено: 25.05.2026

Дата публикации: 28.07.2026